

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

◆

КОНКУРЕНТЫ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2009

«КОНКУРЕНТЫ»

Всякий раз в самое горячее время, когда люди мечутся — кто туда, кто сюда, а в вагоне идет борьба из-за мест, как — не будь рядом помянута! — в синагоге в большие праздники, — как раз в это время появляются они оба: «он» и «она».

«Он» — черный, толстый, взлохмаченный, с бельмом на глазу. «Она» — краснощекая, тощая и рябая. Оба — оборванные, обшарпанные, оба в заплатанной обуви и оба с одним и тем же товаром: он с корзиной и она с корзиной. У него — витые булки, яйца вкрутую, бутылки с сельтерской водой и апельсины, и у нее — те же булки, яйца, бутылки и апельсины.

Бывает иной раз, что у него в корзине — фунтики с вишнями, с черной черешней или с зеленым, кислым, как уксус, виноградом. Тогда и она является с теми же вишнями, черешнями или виноградом.

И оба они всегда приходят одновременно, ломятся в одну и ту же вагонную дверь и говорят на одном и том же языке, но поразному выговаривая. Он немного картавит, не выговаривает буквы «р», мямлит, словно языком не ворочает, она шепелявит, а язык — будто весь рот занимает.

Вы, может быть, думаете, что они сбивают друг другу цены, конкурируют, соперничают? Упаси бог! Цены у них обоих одни и те же, и конкуренция между ними состоит только в том, что каждый старается вызвать к себе больше сочувствия. Оба умоляют вас сжалиться над их пятью детьми-сиротами (у него пятеро детей-сирот, и у нее пятеро детей-сирот). Оба они заглядывают вам в глаза, суют свой товар прямо в лицо и уговаривают до тех пор, пока вы — нужно вам или не нужно — обязательно что-нибудь купите.

Правда, от этих речей, плача и упрашиваний вы малость дуреете. Не знаете, у кого покупать: у него или у нее? И вы, конечно, решаете никого не обижать, то есть купить у обоих. Но они не согласны.

— Покупаете — покупайте у одного... На двух свадьбах сразу не пляшут.

Вы хотите поступить по справедливости — купить раз у него, а в другой раз у нее, — но за это вас обругают на все корки:

— Милостивый государь! Чем это я вам сегодня не понравилась?

Или так:

— Уважаемый! На прошлой неделе вы покупали у меня и, кажется, не отравились и не подавились?..

Тогда вы впадаете в тон моралиста и начинаете поучать: у того, мол, тоже душа, тому тоже надо жить, как немцы говорят: «Жить и давать жить другому»... На это вы получаете ответ — не по-немецки, а на простом еврейском языке, несколько, правда, иносказательно, но вполне понятно:

— Дяденька! С одной «извините за выражение» на две ярмарки сразу не ездят...

Так-то, друг мой! Всему свету угодить не пытайтесь, это вам никогда не удастся, а вздумаете за справедливость ратовать — боком выйдет. Я знаю это по собственному опыту. Я мог бы рассказать вам интересную историю о том, как я однажды дурака сваял, собрался помирить мужа с женой, а кончилось это тем, что мне основательно влетело от моей собственной жены. Однако я боюсь смешать одну историю с другой, чтобы не отвлечься в сторону, хотя на деле случается и так, что предлагаешь что-нибудь одно, а несешь при этом такую околесицу несусветную... В общем, возвращаюсь к нашей истории.

Было это осенью, в дождливый день. Небо плакало, на земле — мрак и унынье, а на станции полно людей. Пассажиры входят и выходят. Все бегут, толкаются, а наш брат, как водится, больше всех. Торопятся, лезут один через другого с чемоданами, узлами и постелью. Шум, гам, гомон! И в самой гуще — он и она. Оба нагружены всякой снедью, как обычно; оба лезут в одну дверь, как всегда. И вдруг... Что случилось? Обе

корзины на земле, булки, яйца, бутылки с сельтерской и апельсины валяются в грязи, а в воздухе — крики, визг, слезы и проклятия сливаются с хохотом кондукторов и голосами пассажиров. Звонок, свисток, еще минута — и мы едем.

В вагоне — разговор, люди судачат все сразу, как женщины в молельне или как гуси на ярмарке... Трудно уловить, в чем суть разговора. Прорываются лишь отдельные фразы:

— Урожай на плетеные булочки...

— Разгром яиц...

— Чем ему не угодили апельсины?

— Что тут спрашивать? Жандарм!

— Во сколько вы оцениваете убытки?

— Поделом! Пусть не лезут, пусть не надоедают!

— А что же им делать? Люди ищут заработка!

— Ха-ха-ха! — доносится густой басовитый голос. — Еврейские заработки!

— Вот как? — слышится в ответ визгливый голосок. — Вы можете предложить лучшие? Давайте их сюда!

— Молодой человек! Я не к вам обращаюсь! — гремит бас.

— Не ко мне обращаетесь? А вот я обращаюсь к вам: вы можете предложить лучшие заработки? Ах, вы молчите! Почему же вы молчите?

— Чего от меня хочет этот молодой человек?

— Чего мне хотеть? Вы говорите: «Еврейские заработки», я и спрашиваю: у вас есть лучшие? Давайте их сюда!

— Вот еще пристал! Скажите на милость!

— Тише! Тише! А вот и она.

— Кто?

— Да вот эта женщина, что с корзиной.

— Где она, эта красавица? Где?

— Да вот же, вот!

Конопатая, раскрасневшаяся, с глазами, опухшими от плача, проталкивается она с пустой корзиной, ищет места, потом садится на опрокинутую корзину, прячет глаза в порванную шаль и потихоньку плачет.

В вагоне воцаряется тишина. Разговоры прекратились. Все словно лишились языка. И вдруг раздается густой бас:

— Чего же вы молчите, люди добрые?

— А чего нам кричать?

— Надо бы собрать сколько-нибудь.

Интересная история! Знаете, кто это говорит? Тот самый, что смеялся над еврейскими заработками. Странная личность в странном головном уборе — нечто вроде картуза с прямым гляцевитым козырьком. К тому же он носит синие очки, так что глаз не видеть. Глаз нет, только нос торчит, мясистый, толстый, картошкой.

Недолго думая он срывает с головы свой картуз, первый бросает в него несколько серебряных монет и переходит от одного к другому, гремя своим басовитым голосом:

— Давайте, сколько кто может. Кто больше, кто поменьше,— дареному коню в зубы не смотрят!

Люди полезли в карманы, раскрыли кошельки, и в картуз посыпались монеты — серебряные и медные. Сидел среди пассажиров русский человек в больших сапогах, с серебряной цепочкой на шее. Он зевнул, перекрестился и тоже опустил монету. И только один пассажир отказался, ничего дать не поже-

лал. Как раз тот, что так яростно выступал в защиту «еврейских заработков», — молодой человек, интеллигент, с пухлыми щечками, рыжей бородкой клинышком и в золотом пенсне. Один из тех молодых людей, которые имеют богатых родителей, богатых тестя и тещу и сами набиты деньгами, но едут в третьем классе — так им жалко денег.

— Молодой человек, пожертвуйте сколько-нибудь! — обратился к нему тот, что в синих очках.

— Я не жертвую! — ответил интеллигент.

— Почему?

— Так. У меня такой принцип.

— Я так и знал.

— Откуда вы знали?

— Видать по щекам, что по вкусу зубам... Видно пана по халяве...

Интеллигент вспыхнул, даже пенсне уронил и налетел на очкастого с визгом:

— Вы игнорант! Грубиян! Невежа! Нахал! И наглец к тому же!

— Слава богу! Лишь бы не свинья! — произнес с самым добродушным видом бас и об-

ратился к плачущей женщине с опухшими глазами: — Тетенька! Может быть, хватит плакать? Ведь вы же портите ваши прекрасные глаза! Подставляйте-ка пригоршни, получайте вашу мелочь!

Странная женщина! Я думал, что она, увидев столько денег, начнет рассыпаться в благодарностях и пожеланиях. Ничего подобного! Вместо добрых пожеланий посыпались из ее уст проклятья. Прямо-таки источник прорвало и забил фонтан ругани:

— А все он, свернуть бы ему себе шею, разбиться бы ему вдребезги на ровном месте, господи милосердный! Все из-за него, прибрала бы его мать сыра-земля, отец-всержитель! Не добратся бы ему живому до дому, погибель на него, холера, огонь, чума! Чтоб он распух! Чтоб он высох! Чтоб его скрючило!..

Господи, откуда у человека берется столько проклятий! Хорошо, что пассажир в синих очках перебил ее:

— Довольно благословений, сударыня! Скажите-ка лучше, за что к вам придрались кондуктора?

Женщина подняла на него свои опухшие глаза:

— Все из-за него, гром его разрази! Побоялся, что я перехвачу у него всех покупателей, полез первым в вагон, я забежала вперед, а он ухватился и держит мою корзину... Я стала кричать, тогда подошел жандарм и мигнул кондукторам, а те взяли да и высыпали обе корзины в грязь, засыпало бы его косточки песком, бог ты мой! Можете мне поверить, говорить бы мне так с тем, кто мне люб, — с тех пор как я торгую своим товаром и разъезжаю по этой линии, меня никто ни разу не тронул! А почему? Думаете, по доброте? Столько бы болячек ему, сколько пирожков и яиц приходится раздавать на станции! Всем, от самого младшего до самого старшего, надо глотку заткнуть. Наступает день, и начинается раздача: одному хворобу, другому лихоманку, третьему болячку. Старший кондуктор сам берет, что ему вздумается, а остальным надо раздать — кому пирог, кому яйцо, кому апельсин. Чего уж больше — даже истопник, холера на него, — и

СОДЕРЖАНИЕ

«Конкуренты»	5
Принят	20
Погорелец	29
Два мертвеца (<i>В честь праздника Пурим</i>) ...	48
Сто один	75
Немец	93
Два антисемита	117
«Выигрышный билет»	133
Легкий пост (<i>Картинка к Девятому аба</i>) ...	194
Новостей никаких... (<i>Два поздравительных письма к Новому году</i>)	210